
Сергей Сажнов
Между прошлым
будущим
и
былью
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Сергей Сажнов

Между прошлым, будущим и былью

https://litres.ru/74751233
SelfPub; 2026

Аннотация

Между прошлым, будущим и былью» — это полное собрание сочинений Сергея Сажнова, автора, сумевшего совершить невероятный творческий маневр в современной литературе. Известный миллионам читателей Рунета как виртуозный рассказчик угарных армейских баек и бытовой сатиры, в этой книге Сажнов раскрывается как глубокий экзистенциальный философ, поэт-урбанист и тонкий батальный драматург.

Этот сборник — честный, бескомпромиссный маршрут человеческой души. Вместе с лирическим героем вы пройдете через пепелище несчастной любви, ледяное одиночество цифровой эпохи («Я сейчас online, ну а ты off...»), ярость и ПТСР современных десантных штурмов, чтобы в финале обрести долгожданное искупление, покаяние и мудрый, согревающий покой у камина.

Книга содержит уникальное литературоведческое эссе-путеводитель, избранную любовную лирику, военные манифесты,

матерную барную сатиру и те самые легендарные сетевые хиты, которые вы точно читали в пабликах и на форумах.

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сергей Сажнов
Между прошлым, будущим и былью

Глава 1

ЧАСТЬ I. ИСКУССТВО ЖИВОЙ ДУШИ

Философия времени, пепла и брони: Экзистенциальные координаты в поэзии Сергея Сажнова (Литературоведческое эссе)

Поэзия — это всегда попытка зафиксировать ускользающее бытие, прочертить границы человеческого «я» в координатах времени и пространства. В творчестве современного поэта и прозаика Сергея Сажнова эта фиксация обретает черты бескомпромиссного экзистенциального исследования. Обращаясь к его текстам, читатель обнаруживает целостную, глубоко трагическую и одновременно мудрую философскую систему, где главными категориями становятся Время, Память, Разрушение и Искупление.

1. Пепел памяти и геометрия замкнутого круга

Лирический мир Сажнова начинается с катастрофы, но эта катастрофа не космического, а глубоко личного масштаба. В стихотворении *«Дни идут в тоске и ожиданьи…»* ав-

тор вводит фундаментальный для своей поэтики образ духовного выгорания. Фраза *«Я сгорел на первом на свиданьи, в горстку пепла сразу превратясь»* задает отправную точку: герой существует в состоянии «после взрыва». Его настоящее разрушено, а будущее призрачно. Метафора превращения в *«дорожную серую пыль»* — это манифест предельной уязвимости человека перед лицом рока и безответного чувства. Время здесь течет медленно, закольцованное рефреном, который возвращает героя в одну и ту же точку небытия — *«между прошлым, будущим и былью»*.

Этот мотив непреодолимого круга и пространственного тупика углубляется в лаконичной элегии *«Мы раньше не спорили…»*. Здесь Сажнов работает как поэт-минималист. Былая идиллия близости, маркированная запахом цветов и долгими разговорами до темноты, мгновенно отсекается жесткой констатацией: *«Закрыты ворота. Сгорели мосты»*. Пространство Сажнова принципиально необратимо: если мосты сгорели, то вернуться назад физически невозможно. Время в этом тексте выступает как безжалостный вор, забирающий у человека самое ценное: *«Исчезло счастливое время. И ты…»*. Подлинная трагедия героя заключается в том, что исчезновение абстрактного времени тождественно потере конкретного человека.

В стихотворении *«Расплетенные косы, расплетенные судьбы…»* этот замкнутый круг обретает фольклорно-архетипическую форму. Образ плетения волос становится ме-

тафорой соединения и отчуждения человеческих жизней. Автор виртуозно использует градацию внутренних статусов («не знакомые», «родные», «не родные», «чужие»), фиксируя этапы угасания близости. Переломный момент — «приснившаяся измена», которая разбивается об обыденность быта, — обнажает хрупкость человеческого союза. Финальная инверсия замыкает ловушку времени: внешняя форма («заплетенные косы») сохраняется, но внутреннее наполнение («расплетенные судьбы») безвозвратно разрушено. Сразу за этим в стихотворении *«Мы снова предаем друг друга…»* возникает идея симметричного распада: «Ты — мысленно... Я — на словах». Автор подчеркивает, что в крахе иллюзий виноваты оба, а карточная метафора *«нам карты — крести!»* звучит как окончательный приговор непреклонного фатума.

2. Предельная точка надрыва и крах иллюзий

Когда боль разлуки выходит за рамки светлой меланхолии, лирика Сажнова эволюционирует в сторону радикального экзистенциального декаданса. В тексте *«Опять порвали сердце в лоскуты…»* душевная катастрофа достигает своего absolute-пика. Автор использует пугающую, почти физиологичную образность (*«кровь могильной раной запеклась»*), чтобы показать: экзистенциальный удар слепой судьбы может полностью раздавить личность. Герой прямо признает свое духовное поражение — *«мне крест не по плечу»* — и совершает ритуальное сожжение воспоминаний,

прикладывая пепел прошлых снов к «остывшей ране». Финальный шаг с балкона в *«расколотое пламя»* становится трагическим итогом абсолютного одиночества.

Криминально-урбанистический этюд *«Взвел револьвер, направил на дверь…»* выводит этот надрыв в плоскость фатального уличного противостояния. Сажнов нагнетает саспенс через осязаемую физиологию страха («холодные руки и горечь во рту»), описывая запертого в комнате одиночку перед лицом неизбежного штурма. Философский тезис автора *«в аду все на равных и трус и герой!»* стирает земную иерархию, а финальный выстрел навечно фиксирует героя бунтарем — «и он навсегда молодой», спасая его от компромиссов грядущей старости.

Эта тема потери себя и невозможности вернуть прошлое находит глубокое интеллектуальное продолжение в стихотворении *«Уже ты не поешь мальчишеские песни…»*. Здесь Сажнов исследует трагедию неотвратимого взросления и наступления душевной осени. Прощание с юностью метафорически передано через отказ от «мальчишеских песен» и неспособность «ловить синеву в девичьих глазах». Главный драматизм этой главы человеческой жизни заключается в трагическом опустошении: даже находясь в кругу верных друзей, герой признает, что его *«пустая душа»* больше не способна *«склеить любовь в разломленных сердцах»*. Ресурс чувств исчерпан. Поэтический космос автора вновь остывает: емкая метафора *«замерзло наше лето»*

знаменует приход метафизической зимы, а олицетворение *«устала тишина нас вечно вспоминать»* подчеркивает, что само время стирает следы былой искренности. Финальный аккорд — *«Потеряны года. Не найдены ответы. И больше не найдутся видно никогда…»* — ставит жесткую философскую точку в вопросе невосполнимости упущенного времени.

Сцена расставания на вокзале в элегии *«Мы прощались на перроне в дождь…»* разворачивает личную трагедию через образы холодного оружия. Разлука для Сажнова — это физическое нанесение ран. Ночь становится «острой, как лезвие кинжала», а вторгающаяся в душу гроза уподобляется «рапире в сердце матадора». Психологическое оцепенение передано через пугающий образ *«заржавел в кинжале кровосток»*: рана нанесена так давно, что кровь перестала течь, превратившись в хроническую душевную травму.

В четверостишии *«В твоих глазах погасла сказка…»* этот мотив кристаллизуется в жестокий и короткий жест: «Ты разрываешь наши маски, весну в надежде погасив». И, наконец, в городской элегии нового века *«Закрытое солнце. Темнеет река…»* Сажнов совершает уникальный стилистический маневр. Традиционные петербургские «дворы-колодцы» и замерзающие реки сталкиваются с ледяной цифровой асимметрией современных мессенджеров: *«Я сейчас online, ну а ты off...»*. Одиночество на перроне сменяется одиночеством перед экраном, где обычное короткое слово

«Пока» наотмашь пробивает любую эмоциональную броню.

3. Абсолютный отказ: Между космическим холодом и штормом

В стихотворенх *«Ты не спасешь меня от лет…»* и *«Пропитан воздух синим светом…»* Сажнов доводит тему разрыва до окончательного метафизического приговора. В тексте *«Ты не спасешь меня от лет…»* автор использует жесткую анафорическую стену отрицания («Ты не спасешь», «Ты не зажжешь», «Ты не придешь»). Герой полностью лишает другого человека статуса спасителя перед лицом неумолимо бегущего времени («лет») и жизненных катастроф («бед»). Прежний символ тепла и приюта — постель — теперь безвозвратно остывает («Ты не зажжешь мою постель своим ночным дыханьем»). Триада финала — *«Не понято. Не сказано. Ушло…»* — лишена субъектов: это безличное, сухое констатирование факта поглощения человеческой судьбы бездной прошлого.

Следом за этим стихотворение *«Пропитан воздух синим светом…»* разворачивает драму расставания в масштабах космической и морской катастрофы. «Синий свет, холодный, яркий как звезда» знаменует окончательное отчуждение. Метафора кораблекрушения («упали мачты, порван парус», «устал неспящий альбатрос») демонстрирует гибель общих надежд и иллюзий, которые слишком долго игнорировали надвигающийся холод. Центральный психологический узел текста — внутренний диалог-излом, где от-

чаянные, детские вопросы раненого сердца («Как? Почему? За что? Не надо!») разбиваются о жесткую, взрослую готовность принять удар («Вот так! За то! За все! Так надо##»). Итоговое слово — леденящее сухое «не люблю» — гасит шторм, окончательно закрывая горизонт надежды.

4. Время, застывшее в камне: Феномен Города-героя

Однако Сажнов не замыкается исключительно в пространстве личного кризиса. Его поэзия совершает масштабный тектонический сдвиг, когда от персональных потрясений автор переходит к судьбе народной, исторической. В монументальном триптихе *«Баллада о городе герое»* личное эго лирического героя растворяется в коллективном «Мы», чьим нерушимым девизом звучит открывающий часть эпиграф: *«Где трудно там мы, где никто кроме нас. Мы ночные глаза тьмы и у нас на груди Спас»*.

Город в балладе Сажнова — это живой метафизический организм, сакральное пространство, удерживающее баланс между прошлым и настоящим. Проходя сквозь эпохи — от яростных штыковых атак на «правом берегу» в первой части до автономного ледяного безмолвия моряков-подводников во второй — поэт ищет ответ на вопрос: какова цена человеческого выживания? Образ титанового корпуса подлодки, скрывающего «тающее солнце» и погружающего души в океан, становится символом невидимого, монотонного подвига в условиях вечной мерзлоты.

В финальной, третьей части баллады Сажнов выходит на

пронзительный уровень экзистенциальной честности, перенося читателя в окопы современности. Защитная экипировка нового времени способна спасти плоть, но она бессильна перед травмой духа: «Да и наши сердца не из стали, / Хоть одеты мы в бронежилеты!». Чеканный итог боя — «Мы успели! Но души, едва ли!» — срывает с войны парадный пафос.

Вектор военной лирики находит продолжение в стихотворении «Ночной затяжной», где прыжок десантников сквозь «красную огненную петлю трассеров» становится метафорой балансирования между жизнью и небытием. Образ падающего горящего купола парашютиста превращается в падающую звезду, которая дает имя новому герою и «открывает надежду вновь». Высшей психологической точкой этой темы становится лаконичное стихотворение «И в круге семейном мне ночью не спится…». В нем раскрывается трагедия посттравматического синдрома (ПТСР): физически вернувшись в мирный семейный круг, герой ментально остается на войне, где сквозь бессонницу его штурмуют образы «черных лиц молящихся вдов». Его перерождение как воина лаконично сформулировано в чеканном афоризме: «И тогда ты увидишь, как сражаются те, кто остался в живых после первого боя!».

5. Возвращение сквозь стихию и путь к покаянию

Тем не менее, метафизическая зима и служба в поэзии Сажнова — это не всегда тупик. Иногда они становятся декорацией для чуда спасения или моментом светлой памяти.

В элегии «На чёрном посту мы стояли на вахте…» осенний холод и оцепенение преодолеваются через внезапное сновидение о потерянном лете и далёкой возлюбленной, чей лик возводится в ранг сакральной чистоты: «как икона прекрасный, засветился под небом». И хотя рефрен «жаль, что это был сон» возвращает героя к реальности, сам факт этого видения спасает душу от замерзания.

В зарисовке «Снежный дым…» автор показывает триумф жизни над смертью. Герой, преодолевая ледяную метель и сугробы по колено, возвращается к закрытым деревянным ставням родного дома. Оксюморон «я вернулся живой и забытый» раскрывает трагедию человека, которого мир уже успел оплакать. Но пробившись сквозь «снежный дым» испытания, странник находит искупление и тепло на пороге у любимой женщины, утверждая: «Не нашел я роднее постель!».

Этот мотив возвращения венчается триумфальным стихотворением «Эшелон». Поезд, везущий солдат домой на восток, отмеряет стуком колес ритм возвращения к миру. Образ «мы вернулись в пробитой броне» связывает текст с «Балладой о городе-герое», но здесь израненные души наконец выходят из «пелены боя» к тишине и облакам. Память о штурмах («Высота!») остается навсегда, но дом возвращает героям способность жить, и их сердца вновь наполняются «ярким огнем».

На этом фоне резко выделяется масштабный историософ-

ский манифест «Мы живем по старым адресам…». Здесь Сажнов связывает воедино социальный кризис и религиозное раскаяние. Неподвижность уходящего поколения («мы неподвижны») сталкивается с пугающей жестокостью новой реальности — «диких детей жестоких родителей», чьи «волчьи зубы молочных носителей» готовы обратить старый мир в песок. Спасение видится поэту в возвращении к духовным истокам и очищении сакрального пространства: «Кресты наших храмов отмыты… загорелся лампадный огонь». Образ людей, стоящих на коленях и «перстами опершись в погосты», — это грандиозная метафора исторической вины перед предками. Финальный разрыв с прошлым — «Прощай! Наш Трояновский конь!» — символизирует окончательное и болезненное протрезвление общества, отсечение ложных иллюзий и скрытых внутренних угроз ради обретения подлинного всепрощения.

6. Время накопленного опыта: Уют камина и мудрость финала

Вектор творческой эволюции Сажнова неизбежно движется от глухого отчаяния и надрывного крика к мудрому, благородному принятию. В стихотворении «Мы отмечаем прошлые года…» автор формулирует концепцию времени как багажа: «Года ушли и накопились». Возраст здесь — не приближение к финалу, а богатство, где «вода и радость и беда» перемешаны в равных, честных долях. Именно этот накопленный опыт рождает парадоксальное стремление к ду-

ховной свободе («все больше хочется летать до наслажденья») и способность сохранять детское умение «Мечтать! Отрадно уезжать до воскресенья».

Глубочайшим откровением поздней лирики становится стихотворение «Пап... Я серьги не ношу…». Написанное в форме интимной девичьей исповеди перед отцом, оно вводит в сборник тему родовой памяти и прощения. Символический отказ от украшений как суеты («кольца мне сжимают душу») перерастает в признание былого равнодушия. Но дождливые ночи возвращают память, и в финале Сажнов совершает главный метафизический прорыв всей своей поэзии: «И растает серый лёд, и откроется дыханье». Лед, который раньше намертво сковывал его героев, наконец-то тает.

Финальным воплощением этого умиротворения становятся тексты «Мягкий свет… Теплый плед…» и «Ну вот и все, друзья — мы постарели!». В «Мягком свете» автор обращается к бытовому импрессионизму. Прежние грозные стихии отступают: «расколотое пламя» катастрофы превращается в мирный огонь камина, у которого свернулся кот, а пугающий пепел сожженного сердца трансформируется в обычный сигаретный пепел, падающий на пол. Образ старого деда, замершего в старом доме в ожидании лета и «кого-то, кто из прошлого вернулся», — это гимн абсолютной верности своей памяти.

Итоговым аккордом всего поэтического цикла Сажнова звучит стихотворение «Ну вот и все, друзья — мы постаре-

ли!». Это торжественный, мудрый тост-исповедь, подводящий черту под бурным жизненным путем. Старость здесь окончательно утверждается как синоним неуязвимости и ментальной брони: «Нам больше не страшны судьбы колокола». Пройдя сквозь все круги экзистенциального ада, лирический герой находит в себе силы не для проклятий, а для великой, всеобъемлющей благодарности:

Спасибо за урок,
За зной и за метели!
Спасибо, что собой ты нас оберегла!

Язык «зноя» (страсти, войн, выгорания) и «метелей» (разлук, ледяных арктических походов, одиночества) наконец понят и принят полностью. Поэтический субъект Сажнова обретает высший покой, укрытый защитным покровом Берегини — будь то конкретная женщина, Родина или сама Судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.